

РОССИЙСКИЙ
ДЕТЕКТИВ
УТРАТИЛ ОБЪЕМ
И СТАЛ
МОНОТОННЫМ

Моя любовь к мисс Марпл

ПРОЦЕСС

Ольга СЛАВНИКОВА

Полки книжных магазинов забиты детективами, но детективных романов у нас в стране сейчас никто не пишет.

Я хорошо отношусь к Дарье Донцовой. Да простят меня коллеги из литературного цеха: популярность ее заслуженна и справедлива. Было бы некорректно искать в ее произведениях художественные достоинства: у Донцовой талант не писательский. От нее исходит мощная позитивная энергия. Сотням тысяч российских женщин Дарья Донцова стала как лучшая подруга — всегда веселая, энергичная, с запасом историй про общих знакомых. Всегда готовая вмешаться и разругать ситуацию так, чтобы плохие и виноватые были наказаны (не очень сурово), а хорошие и невинные вознаграждены.

Понятно, что вмешивается не сама Дарья Донцова, а главная героиня — самодеятельная сыщица. Метод расследования у нее такой: наступать на все имеющиеся в романе швабры. Именно швабра — рычаг развития сюжета. Это бывает очень забавно. Но если вникнуть в загадку и разгадку, сразу обнаружатся белые нитки. В книгах Дарьи Донцовой — и Серовой, и Поляковой, и Устиновой, и даже Бориса Акунина — категорически не соблюдается благородный детективный принцип: необходимо и достаточно.

Это может объясняться просто: издатель не дает раскрученному автору времени на то, чтобы отшлифовать теорему. Но, думаю, причина в особенностях современного чтения и современного письма. Обратимся к классике жанра: книгам Агаты Кристи. Тем более

что сыщицы Донцовой явно приходятся внучатыми праправнучками мисс Джейн Марпл, на которую я хотела бы стать похожей в свои восемьдесят лет, если доживу.

Роман «Смерть на Ниле». В салоне прогулочного судна брошенная возлюбленная стреляет в бывшего жениха, который предпочел наследницу миллионов. Изменник ранен в ногу. В ту же ночь сама миллионерша застрелила в ее каюте, причем на подзеркальнике в пузырьке от маникюрного лака — красная тушь... Роман «И в трещинах зеркальный круг». Кинозвезда в своем особняке принимает гостей. Какая-то местная общественница, спятив от восторга, терзает кинодиву болтовней. Вдруг звезда застывает в ужасе, глядя через плечо говорливой тетки. Через несколько минут тетка проливает коктейль, хозяйка предлагает свой, и бедная активистка благотворительных ассоциаций оседает на стуле кулем.

Странно неметкий выстрел. Момент рокового глотка... В каждом полноценном детективе есть остановившееся мгновение, в котором сконцентрирована загадка. Вокруг сияющей точки происходит вращательное движение сюжета. Дают показания свидетели. По ходу дела на основное убийство наматывается еще парочка смертей. Девушка-фотограф, примостившись на парадной лестнице, ловит в кадр именно тот момент, когда кинодива обмерла, точно увидав перед собой свою судьбу. Ракурсы множатся — и постепенно ключевой эпизод, будто всплывая из плоскости книжных страниц, приобретает трехмерность. Кажется, что можно заглянуть туда, войти в него, как в комнату. Поэзия детектива — вот в этом перевоплощении, когда загадка становится подобна одному из окружающих нас таинственных предметов: зеркалу ли, в котором

видно зазеркалье, или толстому стеклянному шару с домиком внутри, где, если потрясешь, идет медлительный трухлявый снег.

В современных книгах, называемых детективами, ничего подобного не происходит. Движение сюжета там не вращательно, но линейно: эпизоды нанизываются на белую нитку, один за другим. Читатель вместе с героем-следователем движется от незнания к знанию, и это подобно движению вагонов метро, в которых мы читаем эти книги. А когда книга проглочена, возникает ощущение, что чего-то не хватает. Это чуток уловил самый интеллигентный из нынешних детективщиков. «Ф.М.» Бориса Акунина — роман-амфибия. Спрятан в двухтомнике хитрые ключики, автор предложил читателям уже в реальности найти старинный перстень с бриллиантом. Так протезируется отсутствие трехмерной загадки, на которые была щедрна Агата Кристи. Протез маркетинговый: купи товар — выиграй подарок. Кажется, и Донцова тоже приготовила подарки читательницам, путь к которым лежит через одну из ее новинок.

«Он умер, пока пил» — цитата из старого советского фильма «Чисто английское убийство». Сказать, что читатель забывает современный детектив, едва захлопнув, — значит ничего не сказать. Читатель забывает, пока читает. Автор забывает, пока пишет. В этом все дело. По пути следования и следствия теряются важные детали, герои, целые сюжетные линии. Они возобновляются: в ближайшем киоске можно купить еще один детективный покет. Снадобье забвения, подмешанное в питье, полезно, потому что улучшает перистальтику мозга. Надеюсь, мисс Марпл похвалила бы меня за это наблюдение над изменившейся за сотню лет человеческой природой. ■